

Иерей М. Самков

Отчуждающий перевод Библии

Лоуренс Вентути и его концепция отчуждающего перевода

Функционалистский подход к переводу утверждает, что тип переводного текста, а также стратегия его создания определяются функцией перевода в конкретной коммуникативной ситуации. Всякий текст создается внутри конкретной ситуации, которая определяется совокупностью прагматических факторов (время и место создания, участники переводческого процесса, их мотивы, средства коммуникации), а также герменевтическими предпосылками, на которых основывается аудитория при прочтении перевода. В зависимости от прагматических особенностей коммуникативной ситуации, одна и та же информация может быть по-разному структурирована и передана при помощи разных лингвистических средств. Поэтому для создания адекватного (функционального) переводного текста переводчик должен учитывать базовые параметры коммуникативной ситуации.

В некоторых случаях перед переводчиком Библии может стоять задача создать такой перевод, который бы подчеркивал инаковость библейского текста, его принадлежность другой культуре, другому миру. Такой тип перевода Лоуренс Вентути назвал «отчуждающим» переводом (*foreignizing translation*). Отчуждающий перевод должен напомнить читателю об уникальности текста Священного Писания, его несводимости к нашим культурным ценно-

стям и стереотипам. Достичь поставленной цели можно разными способами, в зависимости от той системы координат, в которой находится читательская аудитория, и от той функции, которую будет выполнять переводной текст. Различные ожидания целевой аудитории будут требовать разных подходов к реализации перевода. Далее мы подробнее скажем о концепции отчуждающего перевода и о том, как она может быть реализована при переводе Библии.

Впервые противопоставление одомашнивающего и отчуждающего перевода появилось в XIX столетии в трудах немецкого философа и богослова Фридриха Шлейермахера (1768 – 1834). В своей лекции «О разных методах перевода», прочитанной в 1813 году, он использует метафору путешествия и говорит о том, что у переводчика есть две возможности осуществления перевода: либо отправить в путешествие автора, приблизив его к читателю, либо поступить ровно наоборот. Сам Шлейермахер не предложил определенных терминов для обозначения данных двух стратегий. Теперь в немецком языке они известны как *Entfremdung* (движение автора к читателю) и *Verfremdung* (движение читателя к автору). Если переводчик решает отправить в путешествие автора, то перевод будет звучать естественно, легко читаться и будет понятным читателю. В том же случае, если переводчик выбирает противоположное направление, то появляется трудный для восприятия текст, но который позволяет приблизиться к оригиналу. Сам Шлейермахер отдает предпочтение именно такому типу перевода, считая, что переводчик должен постараться подчеркнуть инаковость оригинала. По его мнению, более популярный одомашнивающий перевод приносит мало пользы, поскольку в таком случае читатель лишается возможности получить то ценное, что только и может дать перевод: встречу с новым миром. Путешествие, в которое отправляет читателя создатель отчуждающего перевода, помогает приобрести новый обогащающий опыт. Перевод, звучащий непривычно и неестественно, провоцирует появление в обществе новых идей.

Влияние Шлейермахера на современников было огромным. Например, его идеи были воплощены англичанином Томасом Кэрлайлом (1795 – 1881). В своих переводах немецких текстов он использовал неестественные для английского языка синтаксические конструкции, заимствованные из немецкого, что приводило к созданию переводов, крайне тяжелых для чтения. Еще один английский переводчик Уильям Моррис (1834 – 1896), стремясь воспроизвести мир оригинальных исландских саг, использовал в своих переводах архаическую лексику.

Не меньшим было влияние Шлейермахера и на последующие поколения теоретиков перевода. В 1920-е гг. его идеи развивались Вальтера Беньямина и Франца Розенцвега, а в 1990-е гг. они были возвращены к жизни Лоуренсом Венути¹. Немецкие термины *Verfremdung* и *Entfremdung* Венути передает соответственно как «отчуждение» (*foreignizing*) и «одомашнивание» (*domestication*). При этом Венути отмечает, что одомашнивание и отчуждение – это эвристические концепты, а не бинарные оппозиции, а потому они могут изменяться во времени и пространстве, в зависимости от существующих в данном обществе переводческих норм. Свои идеи Венути развивает в контексте гегемонии англоязычных народов, которая проявлялась в приспособлении оригинальных текстов к ценностям англо-американского мира. Поэтому его подход может быть корректно понят лишь в контексте дискуссий о переводческой этике, которые велись в конце двадцатого столетия.

По мнению Венути, основная тенденция современного англоязычного мира – создание «невидимых» переводов, которые скрывают присутствие переводчика и текст воспринимается так, как если бы он изначально был написан на языке перевода. Стратегия одомашнивания представляет собой этноцентрическую редукцию оригинального текста к

¹ Venuti, L. *The Translator's Invisibility: A History of Translator* / L. Venuti. London: Routledge, 1995/2008; Venuti, L. *The Scandals of Translation: Towards an Ethics of Difference* / L. Venuti. London / New York: Routledge, 1998.

культурным ценностям целевой аудитории и ведет к подавлению своеобразия оригинального текста¹, что проявляется как в выборе лексики и синтаксических конструкций, так и в отборе текстов для перевода. В любом акте «одомашнивания», когда переводчик стремится перевести «естественно» (тем самым делая свое присутствие «невидимым»), Венути видит насилие над оригиналом. В итоге это приводит к тому, что переводной текст перестает восприниматься как «иной», утрачивает свою оригинальность и становится частью принимающей культуры.

Единственный выход из данной ситуации, по мнению Венути, состоит в создании таких переводов, которые могут помочь читателю в осознании «инаковости» текста. Отчуждение для Венути – это форма сопротивления культурному нарциссизму и империализму такой агрессивной моноязычной культурной среде, каковой является англо-американская культура². Выбирая стратегию «отчуждения», переводчик стремится к разрушению культурных стереотипов, указывая на лингвистические и культурные различия между двумя текстами³. Основным средством создания отчуждающего перевода является использование особого языкового стиля, который должен сделать деятельность переводчика видимой. Для этого Венути предлагает использовать архаическую лексику и непривычные синтаксические конструкции, что позволит подчеркнуть культурную инаковость оригинального текста и защитит его от идеологического доминирования культуры перевода.

Говоря об одомашнивающем переводе, Венути употребляет такие эмоциональные термины как «этноцентрическое насилие», «расизм», «империализм», поскольку перевод такого типа производит насилие над культурой оригинала. Переводчик должен быть готовым проявить нелояльность к нормам своей культуры и помочь читателю встретиться с «Другим». Таким образом «возникает читатель,

¹ Venuti, L. *The Translator's Invisibility*. P. 20.

² Там же.

³ Там же.

который более открыт к лингвистическим и культурным различиям»¹. Однако, отдавая предпочтение отчуждающим переводам, Венути все же замечает, что все переводы в той или иной степени являются одомашнивающими².

После выхода книг Венути дискуссии об «отчуждении» / «одомашнивании» заняли одно из центральных мест в англоязычном переводоведении. Однако Мари Снелл-Хорнби считает, что о подходе Венути нельзя говорить как о новой парадигме, но скорее как о новых идеях, которые можно извлечь из концептов Шлейермахера в новой ситуации «гегемонии англоязычных народов»³. Кроме того, идеи Венути нельзя делать универсальными, необходимо всегда учитывать тот контекст, в которых они были высказаны⁴. Подход Венути, его критика тотального «одомашнивания» переводных текстов и их приспособления к ценностям англо-американского мира, могли бы быть вполне оправданными, если бы оставались только в рамках англоязычной культуры. Однако Венути распространяет стратегию отчуждения на все переводческие ситуации, независимо от культурных особенностей. Как и любой другой переводческий подход, «отчуждение» не может быть универсальным средством, но он может оказаться весьма полезным в определенных коммуникативных ситуациях, в том числе и в библейском переводе. Причем выбор отчуждающего перевода может быть продиктован самыми разными идеологическими установками. Так, выбор данной стратегии при переводе Библии может объясняться стремлением показать принадлежность библейских текстов иному онтологическому измерению (например, в случае литургического перевода). Данная стратегия также необходима в тех случаях, когда важно подчеркнуть принадлежность библейских тек-

¹ Venuti, L. *The Scandals of Translation*. P. 87.

² Там же. P. 81.

³ Snell-Hornby, M. *The Turns of Translation Studies: New paradigms or shifting viewpoints* / M. Snell-Hornby. Amsterdam & Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2006. P. 147.

⁴ Tymoczko, M. *Enlarging Translation, Empowering Translators* / M. Tymoczko. Manchester: St. Jerome Pub., 2007.

стов иному культурному пространству, отличному от нашего.

Как видим, использование стратегии отчуждения может быть продиктовано разными мотивами. Все это означает, что не может быть универсальных средств создания отчуждения, и их выбор зависит от параметров конкретной коммуникативной ситуации. Часто отчуждающий перевод ассоциируется с буквальным типом перевода, использованием архаичной лексики и необычного синтаксиса (соответственно, одомашнивающий перевод часто отождествляется с идиоматическим типом перевода). Так, Венути отстаивает «гетерогенный дискурс», который включает в себя «обильное смешение архаизмов, коллоквиализмов, цитат, нестандартной пунктуации и орфографии и просодический эксперимент»¹. Впрочем, было бы неверным говорить о том, что использование архаического языкового стиля и буквальный перевод являются единственными возможными средствами создания отчуждения. Более того: вопрос средств реализации стратегий отчуждения или одомашнивания нельзя сводить исключительно к проблеме стиля, поскольку язык – это лишь одно из средств, которым может воспользоваться переводчик. Противостояние между данными стратегиями стоит рассматривать в более широком контексте взаимоотношения культур, а не взаимоотношения двух лингвистических систем. Стратегия одомашнивания предполагает замену культуры оригинала культурой перевода, вторая подразумевает сохранение отличительных характеристик культуры оригинала. Это означает, что не важно, какие языковые средства будет использовать переводчик. Главное, чтобы в конкретной коммуникативной ситуации язык порождал определенные культурные ассоциации; если это отчуждающий перевод – ассоциации, связанные с культурой оригинала, если одомашнивающий – с культурой перевода. Выбор языковых средств зависит от особенностей конкретной коммуникативной ситуации. Существует множество ситуаций в пере-

¹ Venuti, L. *The Translator's Invisibility*. P. 231-232.

воде, где важно выстроить мост над пропастью, которая существует между двумя культурами. В других ситуациях задача переводчика – сохранить эту пропасть открытой, настаивая на культурной дистанции между двумя культурами, но делая другую культуру доступной через объяснение ее инаковости. Отчуждающий перевод должен разрушать культурные конвенции целевой культуры и требует от переводчика способности в определенной степени отойти от норм родной культуры для порождения опыта прочтения «чужого»¹. Одомашнивающий перевод, в свою очередь, должен минимизировать отчужденность оригинала.

Работы Венути спровоцировали обсуждение вопросов взаимодействия культур, а также проблемы этики и идеологии в переводе. Этично ли «одомашнивать» текст, принадлежащий чужой культуре? Что более правильно: признавать и уважать инаковость другого или ассимилировать его голос так, чтобы он звучал как наш? Не получается ли так, что в наших переводах культурные ценности библейских текстов часто утрачивают свою уникальность и своеобразие? Не становятся ли библейские тексты слишком «нашими», соответствующими нашим догматическим идеям и культурным стереотипам? Особо актуальными подобные вопросы становятся при переводе Ветхого Завета. Не бывает ли так, что часто мы «христианизируем» ветхозаветные тексты, скрывая их самобытность и отличие от новозаветных текстов? Нельзя ли сказать, что порой христианские переводчики выступали в своеобразной роли «колонизаторов» ветхозаветных текстов? Далее мы попытаемся показать как «отчуждение» реализуется в различных коммуникативных ситуациях.

Концепт отчуждения в библейском переводе

Как уже было сказано выше, необходимость создания отчуждающего перевода может быть продиктована разными мотивами. Так, православные христиане используют Библию прежде всего в литургическом контексте. В право-

¹ Venuti, L. *The Translator's Invisibility*. P. 16.

славном богослужении Священное Писание воспринимается как икона Иисуса Христа. Икона не похожа на обычную светскую портретную живопись, но следует своим особым законам, являясь своеобразной дверью в иной мир. Икона изображает новую, преображенную реальность, и потому она не похожа на портрет или фотографию, которые отражают видимую реальность еще не преображенного мира. Это означает, что для православных христиан важно подчеркнуть принадлежность Библии иному онтологическому измерению. В терминологии общей теории перевода мы могли бы понять данный феномен как особый тип отчужденности, который можно назвать *онтологической отчужденностью*. Поскольку Писание является свидетельством об иной, духовной реальности, то при переводе надо попытаться отразить инаковость этого текста по отношению к нашему миру. Такое отношение к Писанию будет определять стратегию и тактику создания литургического перевода. Вкратце можно сказать, что церковная аудитория будет ожидать достаточно буквального перевода с использованием возвышенной лексики. Для подчеркивания инаковости, иконичности Писания может быть задействован пласт архаической лексики. Так, в переводах псалмов и Евангелий, выполненных Сергеем Аверинцевым, заметно стремление автора к использованию архаической лексики, которая не используется в повседневном общении и указывает на принадлежность текста к иному уровню коммуникации, отличному от повседневного: «устроял», «стезя», «очи» (Пс. 1:1); «испытуют», «вежды» (Пс. 10:4); «глаголет», «уста», «велеречивый язык» (Пс. 11:3-4); «сыщет длань», «десница» (Пс. 20:9). Таким образом, создаётся ощущение «отчужденности» текста, его принадлежности другому миру, не похожему на тот, который мы видим вокруг себя и в котором мы живем.

Иными мотивами руководствовались при создании немецкого перевода Танаха Мартин Бубер и Франц Розенцвейг, которые также стремились к тому, чтобы их читатели получили при чтении опыт «иноного». По мнению этих немецких философов, библейские тексты стали слиш-

ком «своими», привычными для представителей различных религиозных традиций. Из столетия в столетие на Писание, как на палимпсест, накладывались новые слои интерпретации. На оригинальную и живую речь Библии были наложен совершенно не свойственный ей язык абстракций, в результате чего она сама стала «знакомой абстракцией»¹. Свою задачу переводчики видели в том, чтобы освежить восприятие читателя, шокировать и тем самым привлечь его внимание. Лишь осознав «инаковость» Писания, можно понять подлинный его смысл. Читатель должен увидеть, что библейские тексты созданы людьми иного духа (*Geist*). Бубер и Розенцвейг говорили о том, что еврейская ментальность лучше всего выражается посредством корневой системы еврейского языка. А потому переводчики попытались передать эту особенность в своем переводе, стремясь образовать в немецком языке существительные и глаголы из одного корня, как и в древнееврейском языке. Таким образом, отчуждающий эффект достигался посредством особого типа буквального перевода, сохраняющего идиоматику оригинала, его морфологию и синтаксис².

Известный немецкий библеист Клаус Бергер и его супруга Кристиана Норд также совместно трудились над созданием нового немецкого перевода, но уже новозаветных и других раннехристианских текстов³. В качестве одной из целей своего перевода они указывали необходимость подчеркнуть *культурную инаковость* оригинального текста. Современный читатель привык смотреть на библейские тексты сквозь призму своих ценностей и культурных представлений. Нужно помочь читателю осознать принадлеж-

¹ Batnitzky, L. *Idolatry and Representation: The Philosophy of Franz Rosenzweig Reconsidered*. Princeton: Princeton University Press, 2000. P. 110.

² Подробнее об этом переводе см. Самков М., свящ. *Идеология и перевод Библии. Перевод Бубера и Розенцвейга* / М. Самков // *Скрижали. Серия «Ветхозаветные исследования»*. 2012. Вып. 3. С. 127-140.

³ *Das Neue Testament und frühchristliche Schriften, neuübersetzt und kommentiert* (1999).

ность библейских текстов древнему средиземноморскому миру, культурные модели, мировоззрение и социальные модели которого сильно отличаются от современного мира. Поэтому переводчики должны попытаться показать те культурные концепты, реалии, которые помогут понять современному читателю культуру оригинального текста. Культуру оригинала можно сделать понятной разными способами. Один из способов – снабдить перевод примечаниями, которые будут содержать комментарии, поясняющие культуру оригинала, язык, текстологические проблемы. Однако возможна и другая стратегия: использовать не примечания и подстрочные сноски, а сделать культуру оригинала понятной посредством эксплицитной информации в самом тексте. Именно такой подход выбрали К. Бергер и К. Норд, назвав его «осознанная инаковость» (*otherness understood*).

Так, в Откр. 21:18-21 мы встречаемся с описанием Небесного Иерусалима, стены которого состоят из различных драгоценных камней. Автор текста исходил из предположения о том, что читатели текста прекрасно знакомы со всеми этими камнями и потому не нуждаются в дополнительной информации. Значительная же часть современных читателей не обладают подобными знаниями. Поэтому К. Норд и К. Бергер решили эксплицировать цвета камней для того, чтобы читатели осознали эстетическую привлекательность Нового Иерусалима и то, что для автора и его первоначальной аудитории была важна именно их красота, а не стоимость. Кроме экспрессивной функции, данный отрывок мог иметь еще одну важную функцию. Данное видение Иоанна находится в конце последней книги Библии и идет вслед за описанием ужасов и потрясений последних времен. Видение Нового Иерусалима является кульминацией Нового Завета. Поэтому авторы перевода предполагают, что данный текст имеет еще и аппелятивную функцию, являя нам красоту нового Божия творения. Данную функцию оригинала невозможно сохранить посредством простого технического описания того, как устроен Новый Иерусалим. Для этого нам необходимо экс-

плицировать имплицитную информацию оригинала, указав цвета камней, из которых построен Город¹. Можно не соглашаться с данным решением переводчиков; тем не менее, их выбор – последователен и вполне объясним. Такой перевод показывает различия в системе ценностей и эстетике, которые существуют в культурах оригинала и перевода. То, что является прекрасным в одной культуре, может совершенно иначе восприниматься в другой. Описание Нового Иерусалима могло восхищать жителя Римской империи I-II веков. Представителю же современной немецкой культуры Небесный Гард может показаться не таким уж и привлекательным, поскольку он кажется слишком холодным из-за обилия золота и драгоценных камней. Причина этого – в различиях между культурными ценностями: для немцев слишком важны домашнее тепло и комфорт и вообще все, что связано с концептом *Gemütlichkeit*².

Приведенный пример хорошо иллюстрирует принцип, который К. Бергер и К. Норд положили в основу своего перевода: с одной стороны, сделать древний текст понятным через экспликацию некоторой имплицитной информации, которая существовала у первоначального читателя при чтении данного текста; с другой стороны – позволить современному читателю понять, что эстетическая и ценно-

¹ Ради экономии места приведем лишь буквальный перевод немецкого текста: «Городские стены сделаны из яшмы, а сам город из золота, чистого как стекло. Основания городской стены прекрасны, поскольку они построены из драгоценных камней, имеющих обилие разных цветов. Первый камень в основании – яшма, второй – **голубой** сапфир, третий – красный агат, четвертый – светло-зеленый изумруд, пятый – **красно-коричневый** оникс, шестой – **желто-красный** сердолик, седьмой – **золотой** кварц, восьмой – берилл, **зеленый**, как море, девятый – **сияющий желтый** топаз, десятый – халцедон, **мерцающий зелено-золотым светом**, одиннадцатый – **красная** бирюза, двенадцатый – **пурпурный** аметист. Двенадцать ворот – двенадцать жемчужин, каждые ворота сделаны из одной жемчужины. Главная улица города – из золота, чистого как стекло».

² Nord, Ch. *Dealing with Purposes in Intercultural Communication: Some Methodological Considerations* / Ch. Nord // *Revista Alicantina de Estudios Ingleses*. 2001. Vol. 14. P. 164.

стная система мира, в котором возник оригинальный текст, отличается от наших установок.

Использование отчуждающего перевода в проекте «Новая Беларуская Біблія»

В октябре 2010 года в Минске прошла конференция «Шмат традыцыяў – адна мова», во время которой зашла речь о необходимости создания нового перевода Библии на белорусский язык. В 2012 году в рамках работы II Международного конгресса исследователей Беларуси была создана рабочая группа. Новый переводческий проект получил название «Новая беларуская Біблія» (НББ). Осенью того же года участники рабочей группы представили свое видение нового перевода на заседании Белорусского библейского общества (ББО). Проект с интересом был встречен многими членами ББО, хотя вплоть до настоящего момента не было принято окончательного решения о том, готова ли данная организация координировать данный проект. Поскольку не решены основные организационные и финансовые проблемы, переводческая группа не может полноценно приступить к своей непосредственной деятельности. На данный момент идет обсуждение и детальная разработка концепции перевода и определяется план работы на ближайшее время. Автор данной статьи также является одним из участников проекта НББ. Проанализировав особенности коммуникативной ситуации, мы сформулировали один из возможных вариантов концепции нового перевода. На наш взгляд, новый перевод призван дополнить существующие конфессиональные переводы, должен отражать литературные особенности библейского текста, а также показывать особенности культуры оригинала. Таким образом, одна из задач переводчиков – создать отчуждающий перевод, который бы отражал культурную инаковость Библии. В целом, мы следуем изложенной выше концепции К. Бергера и К. Норд.

Многие христиане привыкли смотреть на библейские тексты сквозь призму своей системы ценностей, собственных культурных и богословских установок. Многовековая

традиция литургического использования библейского текста, его интерпретации, а также частое обращение к нему в литературе «одомашнили» Библию. Современному читателю порой трудно понять, что Библия создавалась в совершенно другой коммуникативной ситуации, отличной от нашей. Новый перевод должен помочь христианам взглянуть на библейский текст по-новому, почувствовать его принадлежность иной культуре, от которой нас отделяет огромное расстояние во времени и пространстве. В свое время с подобной проблемой столкнулись Бубер и Розенцвейг. Однако в нашем случае задача переводчика – не шокировать аудиторию, а попытаться сделать явной современному читателю культурную и концептуальную матрицу, в которой возник библейский текст. Этого можно достичь при помощи введения в текст перевода той имплицитной информации, которая была частью культурного знания оригинальной аудитории, но неизвестна большинству современных читателей.

Особые проблемы могут возникнуть при переводе ветхозаветных текстов. На протяжении столетий формировались разнообразные герменевтические модели, описывавшие взаимоотношения между Ветхим Заветом и Новым Заветом: конфликтная (маркионовская), типологическая, аллегорическая, «обетование – исполнение», «история спасения», диалогическая¹. Типологическая и аллегорическая модели говорят о несамостоятельности ветхозаветного корпуса относительно новозаветного; взаимоотношения между двумя корпусами можно было бы назвать «колониальными». В таком случае Ветхий Завет утрачивает свою самостоятельность, своеобразие, «одомашнивается» в христианской среде. Может создаться впечатление, что существование Ветхого Завета оправдывается только Новым

¹ См. Grilli, M. *Quale rapporto tra i due Testamenti? Riflessione critica sui modelli ermeneutica classici concernenti l'unità delle Scritture* / M. Grilli. Bologna, 2007; Scaiola, D. *Il Nuovo Testamento è nascosto nell'Antico e l'Antico è manifesto nel Nuovo. Considerazioni di carattere teologico sul tema dell'unità della S. Scrittura* / D. Scaiola // *Euntes Docete*. 2011. Vol. 64:2. P. 11-27.

Заветом, предназначение первого – лишь в том, чтобы указывать и предугадывать реальность второго. При этом утрачивается уникальное послание самого Ветхого Завета, обращенного к читателям своего времени и совершенно иной культуры. В трех других моделях («обетование – исполнение», «история спасения», диалогическая) Ветхий Завет приобретает (в разной степени) большую самостоятельность, подчеркивается его культурная и богословская уникальность. Перед переводчиками НББ стоит цель помочь современному читателю увидеть своеобразие Ветхого Завета, научить уважать его *инаковость*. Единство между двумя Заветами должно основываться на взаимном признании, без какой-либо ассимиляции и редукции. Именно поэтому при переводе ветхозаветных книг в рамках проекта «Новая Беларуская Біблія» мы предлагаем использовать «диалогическую» модель, в которой за каждым из заветов сохраняется его уникальность и своеобразие. От выбора герменевтической модели будут зависеть дальнейшие шаги переводчиков. Далее, на ряде примеров из книги Ионы мы покажем, как данный отчуждающий перевод может быть реализован на практике.

Например, как переводить имя Божие יהוה на белорусский язык? Перевод «Госпад» является традиционным христианским способом передачи имени יהוה. Однако такой перевод будет показателем «христианизации» Ветхого Завета. Поскольку одна из задач перевода – показать не только культурную, но и богословскую инаковость Ветхого Завета, его несводимость к Новому Завету, то самый лучший способ передать יהוה при переводе – использовать слово «Ягвэ». Такой перевод будет достаточно непривычным для читателя-христианина, что позволит увидеть своеобразие Ветхого Завета.

В Ион. 1:2 находится повеление Господа, обращенное к Ионе: идти на восток, в Ниневию и возвестить ее жителям грядущий суд. Однако Иона, вместо того, чтобы исполнить повеление Господа, решает убежать от Него (1:3). Для этого он сначала спускается в морской порт Яфо, который лежал за пределами Израиля и, как полагал Иона, за

пределами влияния Бога. К счастью пророка, в Яфо он находит корабль, который пришел из Таршиша и вновь отправляется туда. Иона решает убежать вместе с экипажем корабля в город Таршиш, город, который находился на Западе, в противоположной от Ниневии стороне и, предположительно, ассоциировался с самой далёкой географической точкой древнего ближневосточного мира:

וַיִּקָּם יוֹנָה לְבָרַח מִלְפָּנֵי יְהוָה.

Такое поведение Ионы, разрушающего все привычные представления о поведении пророка, не могли не вызывать сильную реакцию со стороны читателя (это могла быть как ироничная улыбка, так и негодование). Ирония, с которой автор описывает действия пророка Божия, основывается на культурной информации, которая была известна читателю древности, но остается неочевидной для современного читателя. Для того, чтобы современный читатель мог понять иронию автора, переводчики могут сделать имплицитную прагматическую информацию эксплицитной в самом тексте перевода, указав, что город находился в противоположной стороне. В таком случае перевод может выглядеть следующим образом: «І Ёна пайшоў – але ў *процілеглы бок*, у Таршыш, на *самы край зямлі*, каб уцячы ад Ягвэ».

В стихе 1:5 моряки, испугавшись начавшегося шторма, начинают призывать своих богов и выкидывать в море вещи, которые находились на корабле. Определенную трудность представляет перевод фразы

וַיִּטְלוּ אֶת-הַכֶּלִּים אֲשֶׁר בָּאֲוִיָּה אֶל-יְהוָה לְהַקֵּל מִצָּלֵיהֶם.

Проблема заключается в инфинитиве цели *לְהַקֵּל*, после которого отсутствует объект действия¹: что же в таком случае хотели «сделать легким» моряки? Большинство переводов понимают данную фразу как попытку моряков «облегчить корабль» (чтобы сделать его более управляемым?). Поскольку последнее существительное в данном стихе, кото-

¹ Tribble, Ph. *Rhetorical Criticism: Context, Method, and the Book of Jonah, Guides to Biblical Scholarship* / Ph. Tribble. Minneapolis: Fortress, 1994. P. 18; Sasson, J. *Jonah: A New Translation with Introduction, Commentary, and Interpretation* / J. Sasson. New York: Doubleday, 1990. P. 99.

рое стоит перед инфинитивом – это слово «море», то Филлис Трайбл считает, что моряки выкидывали вещи не для облегчения корабля, а для «облегчения» (appease) моря¹. Тогда выкинутый за борт груз корабля можно понять как своеобразное жертвоприношение, которое должно было умирить море. Джек Сэссон дополняет это наблюдение, говоря, что глагол לול с предлогом לָּ обозначает мотивацию, стоящую за выбрасыванием вещей, а не направление². Таким же образом понимает данное место и Тимоти Уилт. Еврейское слово חַוָּ в древних ближневосточных текстах обозначает божество хаоса и именно так оно понимается в данном стихе книги Ионы. Чтобы отразить данную интерпретацию, Уилт переводит חַוָּ не просто как море, а как «la mere de Chaos»³. В своем переводе мы принимаем интерпретацию, предложенную Трайбл, Сэссон и Уилтом. Образ моря как божества стихии вполне согласуется с древними ближневосточными мифологическими представлениями. Выбор такой интерпретации, как минимум, не противоречит оригиналу и делает язык перевода более образным и живым. Кроме того, такой перевод даст возможность современному читателю ощутить присутствие в тексте иного концептуального мира, отличного от нашего (где море уже не воспринимается как живое существо, обладающее божественной природой). Выбор такого перевода согласуется с нашим переводческим заданием, хотя был бы неуместным и невозможным, например, в переводе литургическом.

Стих 2:3 содержит начальные слова благодарственной молитвы Ионы. Пророк вспоминает о том, что в своем устремлении «убежать от лица Господня» он достиг пределов творения לְיָמֵי הַמֵּתִים, мира мертвых. Именно оттуда Иона возносит свою мольбу о спасении. Автор намеренно употребляет здесь метафору «чрево Шеола», интенсифицируя данный

¹ Trible, Ph. *Rhetorical Criticism*... P. 18.

² Против такой интерпретации выступает Болин. См. Bolin, T. *Freedom Beyond Forgiveness: The Book of Jonah Re-examined* / T. Bolin. Sheffield: Sheffield Academic Press, 1997. P. 79-81.

³ См. Wilt, T. *Pigeon: une traduction de Yônâh* / T. Wilt // *Le Sycomore*. 2003. Vol. 13. P. 13.

образ и противопоставляя его «чреву рыбы». Термином לִישׁׁׁׁ обозначался мир мертвых, в который попадали все люди, независимо от их нравственного состояния. Это означает, что в древнееврейском концептуальном мире отсутствовало противопоставление между «адом» и «рая», существующее в христианской богословской традиции. Перевод данного слова как «ад» будет неприемлемым, поскольку противоречит концептуальному миру древних евреев. Такой перевод был бы еще одним проявлением той «христианской колонизации», о которой мы говорили выше. Возможный перевод «свет памерлых» (рус. «мир мёртвых») избавлен от указанного недостатка, однако лишен мифологических коннотаций. Кроме того, в таком случае теряется важное поэтическое средство, использованное автором – персонификация мира мертвых. Поэтому лучшим решением будет транслитерация слова לִישׁׁׁׁ как «Шэ-ол». Такой перевод также позволит современному читателю почувствовать культурную инаковость книги.

В стихе 4:6 упоминается растение יִיָּקָ, под которым Иона скрывался от палящего солнца. Данное слово является *hapax legomenon* в Ветхом Завете. Споры о названии растения велись издавна, и точная его идентификация была проблематичной уже в древности. Иероним переводил название как «hedera» (плющ), отступая от традиции Септуагинты, в которой растению определяется как «κολόκυνθα» (тыква). Многие переводы пытаются соотнести данное растение с одним из известных растений: клещевина, виноградная лоза, тыква. В некоторых случаях переводчики передают этот термин общим словом «растение», «деревце». Мы решили не переводить это слово, а транслитерировать его. С одной стороны, такой перевод избавляет нас от необходимости гипотетически отождествлять упомянутое растение с известными нам. Во-вторых, благодаря этому создается эффект «отчужденности», к которому мы и стремимся. Транслитерация «кікаён» привлекает внимание читателя и напоминает ему о том, что текст принадлежит к той культуре, о котором мы знаем не так уж и много.

Как видно из приведенных выше примеров, мотивы использования стратегии отчуждения при переводе библейских текстов могут быть самыми разнообразными. Это может быть стремление показать принадлежность библейских текстов иному онтологическому измерению, как в случае литургического перевода. Это также может быть желание подчеркнуть уникальность оригинального текста, его принадлежность иному культурному пространству. Все это означает, что не существует универсальных средств реализации данной стратегии, но их выбор зависит от особенностей конкретной коммуникативной ситуации. Иногда может понадобиться буквальный перевод, в то время как в других случаях более уместным будет задействовать пласт архаической лексики. В некоторых коммуникативных ситуациях условия переводческого задания могут требовать того, чтобы переводчик сделал явной культурную матрицу оригинального текста, те ценности и нормы, в которых он создавался. Одно из возможных средств, в таком случае – создание подстрочных комментариев, написание вступительных статей. В своем переводе книги Ионы на белорусский язык, осуществляемый в рамках работы проекта «Новая Беларуская Біблія» мы решили выбрать иной путь, эксплицировав в некоторых случаях имплицитную культурную информацию в самом тексте перевода. Такое решение позволило нам подчеркнуть дистанцию между двумя культурами и в то же время – сделать другую культуру доступной через объяснение ее инаковости. Все сказанное означает, что для определения стратегии перевода и выбора необходимых средств ее реализации требуется проведение тщательного анализа коммуникативной ситуации переводного текста.